

О. Л. Ючко

Научн. рук. – В. И. Коваль, д-р филол. наук, профессор

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА В ВОДЕВИЛЕ А. П. ЧЕХОВА «МЕДВЕДЬ»

В статье анализируется употребляющаяся в водевиле А. П. Чехова «Медведь» эмоционально-экспрессивная лексика, выполняющая роль средства самохарактеристики и способа Языкознание 240 выражения отношения действующих лиц к собеседнику. Рассматриваются особенности использования оценочной лексики, обусловленные социальным статусом персонажей и популярностью идеи эмансипации в конце XIX столетия. Выявляется роль инвективных номинаций в создании конфликтной ситуации. Выявляется культурологический потенциал лексемы медведь, реализующей в тексте водевиля различные коннотации.

Особенность языка драматических произведений заключается в почти полной «отстраненности» от текста его автора, который не может вмешиваться в ход событий и давать оценку поступкам персонажей. А. М. Горький в связи с этим замечал: «Действующие лица пьесы создаются исключительно и только их речами, то есть речевым языком, а не описательным». Именно поэтому речь сценических фигур характеризуется предельной выразительностью и эмоциональностью, важнейшим проявлением которых является лексика, обладающая эмоционально-экспрессивной окраской. Термин экспрессивный имеет значение «содержащий экспрессию», под которой, по мнению О. С. Ахмановой, понимаются «выразительно-образительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей эмоциональную окраску» [1, с. 522–523]. Приведенное определение дает основание понимать «первичность» экспрессивности по отношению к эмоциональности. Между тем высказывается противоположное мнение, согласно которому источником экспрессивности являются именно эмоции – чувства, переживания и аффективные состояния, нарушающие психическое равновесие: «В то время как эмоции возникают под влиянием внешних и внутренних импульсов, экспрессия зарождается под воздействием эмоций. Это значит, что в основе экспрессивности лежит некая эмоция» [2, с. 16]. Цель данной работы заключается в выявлении особенностей эмоционально-экспрессивной лексики в речи действующих лиц водевиля А. П. Чехова «Медведь». В рассматриваемом произведении речь персонажей насыщена эмоционально-экспрессивными словами и выражениями, благодаря чему действующие лица становятся «живыми» и интересными, а само произведение носит ярко выраженный комедийный характер. В композиционном отношении эта, по определению А. П. Чехова, «шутка» состоит из ряда фрагментов, каждый из которых имеет определенный набор эмоционально-экспрессивных номинаций. Так, в двух первых разделах водевиля мы знакомимся с одними из главных 241 персонажей – помещицей Еленой Ивановной Поповой (по реплике Чехова, «вдовушкой с ямочками на щечках»), которая, полемизируя со слугой, произносит, на первый взгляд, искренние монологи – признания в любви и верности умершему супругу. Себя женщина позиционирует при этом как паиньку и верная женка, для которой после смерти мужа жизнь потеряла ... всякую цену, и поэтому она дала себе клятву до самой могилы не снимать этого траура и не видеть света. Речь Поповой насыщена цветистыми, высокопарными словами и выражениями, свидетельствующими про её любовь, даже в том случае, когда она говорит о супружеской неверности покойного: Он часто бывал несправедлив ко мне, жесток и... и даже неверен, но я буду верна до могилы и докажу ему, как я умею любить. Там, по ту сторону гроба, он увидит меня такую же, какую я была до его смерти... Ты увидишь, Nicolas, как я умею любить и прощать... Любовь моя угаснет вместе со мною, когда перестанет биться мое бедное сердце. Более того, свое добровольное затворничество вдова отождествляет с физической смертью мужа: И не выйду никогда ... Зачем? Жизнь моя уже кончена. Он лежит в могиле, я погребла себя в четырех стенах... Мы оба умерли.

Подобные книжно-литературные, возвышенные выражения, с одной стороны, формируют представление о высокоморальной личности, воплощающей идею христианского всепрощения и любви к ближнему, а с другой – они не могут не навести на мысль о степени естественности поведения «вдовушки с ямочками на щечках». Лексический «рисунок» рассматриваемого произведения резко меняется с появлением второго главного действующего лица – отставного поручика артиллерии, «нестарого помещика» Григория Степановича Смирнова, колоритная фигура которого представлена в четвертом разделе водевиля. Цель его приезда к Елене Ивановне весьма прозаична: он просит ее уплатить деньги по долгам умершего мужа. При этом в начале общения речь «нестарого помещика», обращенная к незнакомой даме, весьма учтива и вежлива, что проявляется в ее насыщенности соответствующими этикетными конструкциями: Честь имею представиться; Вынужден беспокоить вас по весьма важному делу... Ваш покойный супруг, с которым я имел честь быть знаком, остался мне должен, поэтому я просил бы вас, сударыня, уплатить. Однако, после того как Попова отказывается выплачивать долг мужа из-за отсутствия денежных средств и сложных душевных переживаний (У меня теперь такое настроение, что я совершенно не расположена заниматься денежными делами), Смирнов начинается испытывать раздражение, Языкознание 242 что находит выражение в употреблении им стилистически сниженных слов и выражений: А у меня теперь такое настроение, что если я завтра не заплачу процентов, то должен буду вылететь в трубу вверх ногами. У меня опишут имение! Измучился, как собака, ночевал чёрт знает где – в жидовской корчме около водочного бочонка... Как же мне не сердиться? Выразительность семантики фразеологизма вылететь в трубу _много потратив, остаться совсем без денег_ усиливается употреблением словосочетания вверх ногами, которое способствует актуализации внутренней формы устойчивого словосочетания. В следующих высказываниях Смирнова степень грубости употребляемых им слов возрастает: Нужны мне до зарезу деньги...; Измучился как собака, ночевал черт знает где; На кой леший, извините за выражение, сдался мне ваш приказчик! Фразеологизм до зарезу, как и устойчивый сравнительный оборот как собака, употребляется в значении _до крайности, очень_. Сниженной стилистической окраской обладают бранные выражения, включающие в свой состав названия мифологических существ, относящихся к сфере нечистой силы: чёрт знает где, на кой леший. Оставшись наедине с собой (разделы V–VII), Смирнов прежде всего делает весьма нелестную самооценку: А всё оттого, что я слишком их избаловал, что я нюня, тряпка, баба! Слишком я с ними деликатен! Слово нюня в русском языке используется для характеристики человека, который часто плачет или ноет, что совершенно не соотносится с образом отставного военного и может употребляться как оскорбление. Не менее уничижительна и лексема тряпка, употребляющаяся для пренебрежительной оценки слабохарактерного, слабовольного человека. Наибольшей степенью сниженности в данном синонимическом ряду обладает оскорбительное для мужчины слово баба, имеющее значение _о робком, слабохарактерном мужчине_. С другой стороны, «нестарый помещик» Смирнов использует не менее грубые характеристики и по отношению к Поповой, возмущаясь (за глаза) причинами ее отказа не платить по долгам: Нет, какова логика! Человеку нужны до зарезу деньги, впору вешаться, а она не платит, потому что, видите ли, не расположена заниматься денежными делами!.. Настоящая женская, турнюрная логика! Устойчивое словосочетание женская логика, используемое для ироничной оценки женского эмоционального мышления, противопоставленного рациональному мышлению мужчин, дополняется в данном случае определением турнюрная, образованным от историзма турнюр _в женской одежде XIX века 243 подушечка, подкладывавшаяся под платье сзади ниже талии для придания фигуре пышности_ [3, с. 1354]. Очевидно, что индивидуально-авторское словосочетание турнюрная логика обладает (в отличие от вариантного оборота женская логика), не безобидноироничной, а грубой и даже оскорбительной оценочной окраской, так как содержит в своей семантике намек на связь умственных способностей женщин со сферой телесного «низа». В острой полемической перепалке, представленной в VIII разделе водевиля «Медведь», Смирнов использует в своей речи для характеристики всех женщин грубые, оскорбительные номинации,

усвоенные им, очевидно, из собственного жизненного опыта: Все женщины, от мала до велика, ломаки, кривляки, сплетницы, ненавистницы, лгунишки до мозга костей, суетны, мелочны, безжалостны, логика возмутительная, а что касается вот этой штуки (хлопает себя по лбу), то, извините за откровенность, воробей любому философу в юбке может дать десять очков вперед! К ряду приведенных выше характеристик имеет отношение лексема крокодил, употребленная отставным поручиком не для характеристики женской внешности, а для оценки негативных внутренних качеств некоторых женщин – жестокости, расчетливости, бесчувственности, жадности: Посмотришь на иное поэтическое создание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу – обыкновеннейший крокодил! Кроме того, незваный гость Поповой проявляет себя в общении с ней как тонкий знаток женской психологии, «разоблачая» намеренно созданный ею таинственный и поэтический образ молодой вдовы, добровольно заточившей себя «в четырех стенах», не забывшей при этом о своем внешнем виде: Вы погребли себя заживо, однако вот не позабыли напудриться! Сопrotивляясь дальнейшей откровенной вербальной агрессии Смирнова, помещица-вдова наносит своему противнику ответный словесный «удар», неожиданно употребляя целый ряд стилистически сниженных слов: Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр! Поскольку данные номинации употреблены с целью открытой уничижительной характеристики конкретного лица, они могут быть отнесены к разряду инвективной лексики, то есть к словам и выражениям, которые «заклучают в своем значении, экспрессивной окраске и оценочном компоненте намерение говорящего унижить, оскорбить, обезпечить, опозорить адресата речи» [4, с. 80]. Обратим внимание на то обстоятельство, что приведенные номинации негативно характеризуют помещика Смирнова как по внешнему виду Языкознание 244 (медведь _крупный сильный, не неуклюжий, неловкий человек' и монстр _чудовище, урод'), так и по внутренним качествам, содержащим к тому же намек на низкое социальное происхождение бывшего военного: мужик _грубый, невежественный, невоспитанный, неопрятный мужчина'; бурбон _грубый и невежественный человек (первоначально об офицере, выслужившемся из солдат)'. Демонстративное и безбоязненное повторение Поповой этих слов приводит к тому, что отставной поручик артиллерии неожиданно вызывает женщину на дуэль, причем ее такое же неожиданное согласие, сопровождаемое эмоциональными высказываниями (С каким наслаждением я влеплю пулю в ваш медный лоб! Чёрт вас возьми!), ее смелость и решительность производят на Смирнова очень сильное впечатление. Во взглядах героя при этом происходит своеобразная «смена полюсов», позволяющая ему увидеть в слабом «поэтическом создании» женщину с сильным характером: Это – женщина! Вот это я понимаю! Настоящая женщина! Не кислятина, не размазня, а огонь, порох, ракета! Даже убивать жалко! Удивительная женщина! Глаза, глаза! Зажигательная женщина! В приведенных высказываниях обращает на себя внимание использование оценочных прилагательных – градационных синонимов (настоящая → удивительная → зажигательная), а также ряда характеризующих номинаций, которые образуют синонимические ряды, противопоставленные как антонимы (кислятина, размазня ↔ огонь, порох, ракета). Развязка затянувшегося конфликта происходит довольно быстро: совершенно забыв о дуэли и нанесенных ему оскорблениях, отставной поручик Смирнов пылко и страстно признается в искренней любви к «вдовушке с ямочками» Поповой, и водевиль завершается «продолжительным поцелуем» ранее непримиримых, как казалось, противников. Мастерство Чехова – автора водевиля «Медведь» – проявляется не только в создании ярких, колоритных персонажей, великолепно владеющих семантико-стилистическими богатствами русского языка, но и в наличии определенного подтекста, формирующегося за счет сложной семантики и символики номинации медведь. Наступившее в финале водевиля «развенчание» негативного ореола данного слова, исчезновение свойственной ему негативной оценочности из-за «превращения» скандалиста и грубияна во влюбленного мужчину усиливается за счет того, что в сфере народной духовной культуры медведь наделяется не только способностью к оборотничеству, но и выразительной брачной символикой, проявляющейся «в свадебном 245 обряде, в любовной магии, в лечении бесплодия» [5, с. 212]. Кроме того, «вступление медведя в

брачную связь с человеком и появление у них потомства – одно из наиболее древних представлений, восходящих к институту священного брака» [6, с. 267]. Таким образом, эмоционально-экспрессивная лексика, представленная в водевиле А. П. Чехова «Медведь», играет чрезвычайно важную роль как в обрисовке персонажей, так и в выражении авторской позиции по «вечным» вопросам взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Список литературы 1 Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 608 с. 2 Тошович, Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков / Б. Тошович. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 560 с. 3 Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с. 4 Берсирова, С. А. Типология инвективной лексики в разносистемных языках (на материале русского, немецкого и адыгейского языков) / С. А. Берсирова // «Вестник АГУ». – Вып. 1 (152). – 2015. – С. 78–85. 5 Гура, А. В. Медведь / А. В. Гура // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. – М.: Междунар. отн., 2004. – С. 211–215. 6 Кошкарлова, Ю. А. Концепции образа медведя в русской ментальности / Ю. А. Кошкарлова // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 2. – С. 266–270.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫНА